

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА «ФИЛОСОФІИ ОБЩАГО ДѢЛА».*)

Печатаемыя ниже замѣтки Н. Θ. Θедорова должны были войти въ третій томъ «Философіи Общаго Дѣла», подготовлявшійся къ печати В. А. Кожевниковымъ и Н. П. Петерсономъ. Томъ этотъ долженъ былъ появиться въ печати въ 1916-17 годахъ. Сначала революція, а затѣмъ смерть обоихъ редакторовъ повела къ тому, что печатаніе этого тома оказалось отложеннымъ на неопредѣленное время.

Замѣтки, которыя печатаются ниже, относятся къ числу статей Н. Θ. Θедорова религіознаго содержанія, среди которыхъ видное мѣсто занимали работы, посвященныя разбору богослужебнаго круга постной и пасхальной тріоди. Этотъ разборъ, по словамъ В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, «изумительный по вдумчивости и духовной красотѣ», повидимому безвозвратно утраченъ, однако, отдѣльныя мысли, высказывавшіяся въ немъ, частично сохранились въ замѣткахъ, посвященныхъ православному календарю и иконѣ Первосвященнической Молитвы.

*) Редакція «Пути» счастлива, что получила возможность напечатать неизданныя посмертныя замѣтки великаго русскаго мыслителя Н. Θ. Θедорова, столь мало еще извѣстнаго и оцѣненнаго. Въ этомъ году исполняется столѣтіе со дня рожденія Н. Θ. Θедорова. Въ слѣдующемъ № «Пути» будетъ статья, посвященная его памяти.

По своему мѣсту въ творествѣ Н. Ѳ. Ѳедорова, замѣтки эти примыкають къ его статьямъ о росписи храма и относятся къ тѣмъ частямъ богословія, которыя онъ называлъ: «богословіемъ педагогическимъ и эстетическимъ». Не вдаваясь въ оцѣнку изложенныхъ ниже мыслей, слѣдуетъ сказать только, что, помимо общаго интереса, они представляютъ сейчасъ особый интересъ въ связи съ вопросомъ о стиляхъ. Вообще, здѣсь мы имѣемъ единственную попытку осмыслить календарь, какъ историко-воспитательное орудіе и съ этой стороны эти статьи заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Воспроизводятся они почти въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ подъ редакціи В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Лишь въ трехъ случаяхъ мы позволили себѣ нѣкоторыя редакціонныя измѣненія: первая статья, явно состоящая изъ трехъ взаимно несвязанныхъ замѣтокъ, нами раздѣлена, а въ другихъ нѣкоторыя части текста Н. Ѳ. Ѳедорова вынесены въ примѣчанія. Примѣчанія снабжены инициалами лицъ, коимъ они принадлежатъ.

Н.

1.

НОВАЯ КАРТИНА — ИКОНА ПЕРВОСВЯЩЕННИЧЕСКОЙ МОЛИТВЫ,*) КАКЪ УКАЗАНИЕ ЦѢЛИ УМИРОТВОРЕНІЯ НАКАНУНѢ XX-ВѢКОВАГО ЮБИЛЕЯ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. **)

Самое уже названіе иконы-картины указываетъ на соединеніе религіозной иконописи со свѣтской живописью. Изображеніе Первосвященнической молитвы показываетъ тѣснѣйшее единеніе Сына Божія съ Отцомъ, а вмѣстѣ и цѣль единенія, ибо въ душѣ молящагося Сына человѣческаго мы видимъ уже оживленными праотца и отцовъ человѣческихъ, какъ глубочайшее желаніе сердца, сохранившаго дѣтственность и расширившаго ее, т. е. сыновнюю любовь, на всѣхъ предковъ. Словомъ,

*) Въ подготовлявшейся къ печати В. А. Кожевниковымъ рукописи эта статья носила названіе «Новая картина-икона Первосвященнической молитвы, какъ указаніе цѣли умиротворенія и связь этой статьи съ предыдущей о выставкѣ Воронежскаго Музея наканунѣ XX вѣкового юбилея Рождества Иисуса Христа». Эта связь устанавливается въ слѣдующемъ абзацѣ, который нами опущенъ въ текстъ и который мы приводимъ здѣсь: «Эта связь заключается, во 1-хъ, въ ученіи о дѣтственности, выраженіемъ коей является Первосвященническая молитва, въ ней дѣтственность достигаетъ широты и глубины безмѣрной; во 2-хъ, въ задачѣ Кремля — осуществить въ многоединствѣ Божественное Трїединство и о Музеѣ, какъ предтечѣ превращеннаго въ Царство Божіе Кремля или крѣпости кладбища». Сама по себѣ эта статья заключала, помимо приводимаго отрывка, еще двѣ слѣдующихъ замѣтки, помѣщаемыя нами ниже подъ заглавіемъ: «О двѣнадцати Евангеліяхъ» и «Отъ Рождества до Пасхи». Н.

**) Мы праздновали пятисотлѣтній юбилей преп. Сергія, тысячелѣтній юбилей Меѳодія, первоучителя славянскаго, — позволено праздновать и XIX-ти вѣковой юбилей Иисуса Христа — Сына Божія, но и Сына Человѣческаго. — Не слѣдуетъ ли отрицателей такого юбилея причислить къ монофизитамъ? Н. Θ. Θ.

въ лицѣ ожившихъ въ лонѣ Сына отцовъ мы видимъ Его желаніе, Его мольбу. (Въ послѣдней картинѣ наружной росписи храма, — въ картинѣ Преображенія Господня *) — это воскресеніе является внѣшнимъ, въ видѣ небесныхъ міровъ — земель, населенныхъ и управляемыхъ потомками Адама, въ видѣ *обитателей* (обитателей?) *многихъ*). Если представить, что икона-картина Первосвященнической молитвы была бы *вынесена на середину храма передъ чтеніемъ перваго Евангелія Св. Великаго Пятка*, гдѣ и читается эта *завѣтная* молитва, то легко понять, сколько свѣта пролилъ бы этотъ образъ, если бы онъ былъ исполненъ надлежащимъ образомъ. Это наглядный комментарий къ нелегко понимаемому Евангелію прощальной бесѣды, которое начинается изумительными словами идущаго на позорную казнь, соединяющую физическую и нравственную мучительность съ продолжительностью: «Нынѣ прославися Сынъ Человѣческій и Богъ прославися о Немъ».**)

Нужно сказать, что четвертое Евангеліе называется славнымъ первое пришествіе, а самое славное въ этомъ первомъ пришествіи, слѣдовательно, Великій Пятокъ. Съ этимъ «Нынѣ» и начинается великій день страданія. Всю глубину начала этого православнаго дня и долженъ изобразить нашъ художникъ. Была уже ночь, когда Іуда вышелъ; предсказавъ свое скорое отшествіе и измѣну Петра, Христось хочетъ разсѣять душевную смуту, мракъ въ душахъ учениковъ, что было совершенно

*) Ср. Философія Общаго Дѣла, т. I, стр. 612-614. В. А. К.

**) Утренняя Великаго Пятка состоитъ изъ чтеній Евангелія о страстяхъ, истолковываемаго пѣніемъ и иконописью. Для перваго Евангелія не доставало иконы; она изображаетъ мракъ ночи, мракъ или смуту въ душахъ учениковъ и только сіяніе звѣздъ и Свѣтъ въ душѣ Сына, выраженный въ словахъ: «Нынѣ прославися... За словами «Нынѣ прославися Сынъ Человѣческій», начинается первое Евангеліе, зажигаютъ свѣчи пришедшіе слушать прежде всего послѣднюю бесѣду. А передъ этимъ была тьма, изображавшая ту ночь, когда Іуда вышелъ съ вечери. Н. О. О.

противоположно ясности и свѣтлости, царствовавшей въ душѣ Сына, какъ это изображено художникомъ, противоположно и звѣздамъ — этимъ обителямъ многимъ, тихо сіяющимъ на темномъ небѣ. Икону-картину, изображающую ночь съ сіяющими звѣздами, вынесенную посреди храма, можно было бы освѣтить въ ту минуту, когда чтущій Евангеліе произноситъ слова Филиппа: «покажи намъ Отца» (отъ Іоанна XIV. 8), или же когда Христосъ говоритъ: «Вѣрьте Мнѣ, что Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ» (отъ Іоанна XIV. 11) *), если же не такъ, если недостаточно представленія лишь, т. е. вѣры въ Мое единство со Отцомъ, то вѣрьте по самымъ дѣламъ; — разумѣется здѣсь, конечно, самое послѣднее великое дѣло — воскресеніе Лазаря: «Вѣрующій же въ Меня дѣла, которыя Я творю, и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ», конечно, если будетъ въ единеніи съ Нимъ, а, слѣдовательно, со всѣми, если будетъ на лозѣ. Начинается молитва о прославленіи тѣмъ же прославленіемъ, чѣмъ начинается и послѣдняя бесѣда.***) Затѣмъ говорится о Св. Духѣ-Утѣшителѣ, который отъ Отца исходитъ, какъ говорится въ Цареградскомъ Символѣ Вѣры, въ VIII членѣ по общему счету. Въ слѣдующей главѣ говорится, что относится къ IX члену, т. е. о Церкви, или виноградной лозѣ, общей любви. Пришествіе же Духа истины, который наставитъ на всякую истину (13, 14, XVI) равнозначуще — «шедше научите, крестяще» (X членъ); радость же, о которой говорится далѣе передъ самымъ концомъ бесѣды, радость необъемлемая, это составитъ XI и XII члены. Молитва Первосвященническая, Завѣта

*) Степенями освѣщенія можно отличить вопросительную форму десятого стиха — «Развѣ ты не вѣришь», отъ утвердительной, настойчивой — «Вѣрьте же Мнѣ»... Н. О. О.

**) Прощальная бесѣда, начинающаяся обѣщаніемъ — послать Св. Духа, иллюстрируется всею наружною росписью Храма (ст. 599-616 т. I-го Философич. Общаго Дѣла). Н. О. О.

Новаго (является молитвой) — не о закланіи, а о тѣлесномъ оживленіи, о жизни безсмертной всякой плоти.

Для многихъ, быть можетъ, покажется непонятною связь между внѣшнимъ умиротвореніемъ, которое предполагаетъ водворить циркуляръ (12 августа 1898 г.) и внутреннимъ, къ которому призываетъ картина-икона, показывая намъ Сына Божія съ Богомъ отцовъ въ Его лонѣ, или нѣдрѣ, какъ образецъ для всѣхъ сыновъ человѣческихъ, когда они достигнутъ мѣры возраста Христова. Хотя внѣшнее умиротвореніе требуетъ только, чтобы люди не вредили другъ другу, а внутреннее требуетъ, чтобы они любили другъ друга, — первое требуетъ только мира, а второе — союза, т. е. соединенія въ чувствѣ, мысли и дѣлѣ, — тѣмъ не мѣнее первое безъ второго невозможно, а второе лишь очень трудно и будетъ имѣть своимъ необходимымъ слѣдствіемъ первое. Такое соединеніе и внутреннее и вытекающее изъ него внѣшнее есть не умиротвореніе, а уже братотвореніе. Икона-картина, указывая Бога отцовъ въ лонѣ Сына, раскрываетъ намъ наше единство, т. е. братство, требуетъ, чтобы мы сознавали себя въ отцахъ и отцовъ въ себѣ.

Изъ всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, сельскаго — только военное, т. е. призываемое жертвовать жизнью, сохраняетъ еще сознаніе родства и признаетъ еще нѣчто священное, ибо только во имя родства и во имя священнаго дѣла понятенъ призывъ къ пожертвованію жизнью. Войско остается еще не совершенно секуляризованнымъ. Гражданское является замѣнъ родственнаго и отрицаетъ религіозное (напримѣръ, гражданскій бракъ, гражданское погребеніе). Секуляризованное же войско, т. е. нанимающіеся защищать торгово-промышленныя товарищества, — причисляя къ нимъ и земледѣліе, — есть также товари-

щество, которое, пользуясь опасностями, грозящими государству, может требовать высшей платы.

Циркуляру (12 августа 1898 г.), повидимому, намѣренно приданъ совершенно свѣтскій характеръ, такъ какъ онъ обращается не только къ инославнымъ, но и къ иновѣрнымъ народамъ. Не странное ли, однако, явленіе: религія мира игнорируется и призываются на конференцію исповѣдующіе религію войны... Но, какъ невозможно истинное примиреніе инославныхъ и иновѣрныхъ безъ отрицанія войны, такъ невозможно и дѣйствительное примиреніе безъ признанія родства, безъ признанія общаго происхожденія, безъ признанія Бога всѣхъ отцовъ, не Бога лишь Авраама и Исаака, и Бога Авраама и Измаила, а Бога Адама, (*примиреніе невозможно*) безъ признанія братотворенія для отцетворенія. Если бы циркуляръ выразилъ надежду хотя бы на отдаленное соединеніе, то онъ вызвалъ бы насмѣшку въ томъ слѣдѣ обществу, къ которому обращался. Циркуляръ не рассчитываетъ, не считаетъ нужнымъ рассчитывать на сочувствіе народовъ для успѣшности дѣла. Такому, всѣхъ касающемуся дѣлу, данъ чисто дипломатическій характеръ. Чтобы достигнуть умиротворенія, нужно призвать духовенство, нужно призвать и народъ, словомъ, нужны всѣ: религія, наука, военное и гражданское сословіе. Умиротвореніе можетъ оживить даже проповѣдь, какъ разъясненіе того, почему дѣло конференціи, понятое надлежащимъ образомъ, касается всѣхъ. Умиротвореніе безгранично расширяетъ науку и можетъ дать новый полетъ поэзіи и всѣмъ искусствамъ. Въ такомъ смыслѣ конференція можетъ считаться не эпохою новою, а новою эрою или самымъ высокимъ подъемомъ мысли и чувства.

О ДВѢНАДЦАТИ ЕВАНГЕЛІЯХЪ.

Всѣ двѣнадцать Евангелій описываютъ *одинъ день, равнаго которому по глубинѣ содержанія не было на землѣ*. Не только 52 пятка въ каждомъ году посвящены этому «Великому Пятку», но и часы каждаго дня (VI и IX) напоминаютъ этотъ же великій день. (Третій часъ есть исполненіе обѣтованія объ Утѣшителѣ, о сошествіи Св. Духа и началѣ проповѣди объединенія). Начинается этотъ неизрѣченный день прощальною бесѣдою и молитвою о всеобщемъ объединеніи, такъ называемою Первосвященническою молитвою, изображеніе которой (икона-картина) могло бы имѣть цѣлительную силу отъ нашихъ общественныхъ недуговъ (возстаніе сыновъ на отцовъ), если бы къ глубинѣ любви, выраженной въ этой молитвѣ, присоединено было объясненіе великаго изрѣченія: *«нѣсть рабъ болій господа своего»* (ученикъ не выше учителя, студентъ не выше профессора; здѣсь заключается осужденіе превозношенія сыновъ надъ отцами). Въ этой послѣдней бесѣдѣ — обѣщаніе Утѣшителя, сошествіе Св. Духа и проповѣдь объединенія всѣхъ народовъ, всѣхъ сыновъ, т. е. возвращеніе сердецъ сыновъ отцамъ. Въ этой бесѣдѣ и молитвѣ, происходящихъ въ горницѣ и вертоградѣ, чувствуется то, что происходитъ внѣ ихъ, приближеніе стражи съ предателемъ во главѣ, такъ что икона-картина служитъ поясненіемъ двухъ первыхъ Евангелій, между которыми могло бы быть помѣщено чудное и трогательное Геосиманское моленіе, такъ смущающее бездушныхъ философовъ.

Въ 3-мъ и 4-мъ Евангеліяхъ говорится о судѣ іудеевъ и язычниковъ древнихъ, къ коему нельзя не присоединить суда *новыхъ* іудеевъ и язычниковъ.

Новые язычники, снимая съ него санъ, не только Сына Божія, но и Сына человѣческаго и тѣмъ лишая смысла и цѣли жизнь всего рода человѣческаго, объявляютъ дѣйствительность Его смерти и мнимость воскресенія въ душахъ Галилейскихъ рыбаковъ и женщинъ, и такимъ образомъ, сами того не сознавая, осуждаютъ науку, знаніе безъ дѣла, для которой только и возможно установить дѣйствительность лишь смерти, осуждаютъ свою мертвенность, свое бездушіе, ибо, если Христосъ воскресъ въ душахъ Галилейскихъ рыбаковъ, то Онъ умеръ въ бездушныхъ головахъ профессоровъ нѣмецкихъ.

5-ое и 6-ое Евангелія, описывая издѣвательства горожанъ (и воиновъ), выводятъ перваго крестносца, идущаго изъ села и раздѣлившаго крестную ношу. Такъ, осужденное городомъ на смерть воскресаетъ у селянъ, крестьянъ. Село облегчаетъ осужденнаго на казнь городомъ. Горожане несутъ крестъ, создаваемый ими другъ другу, какъ врагъ для врага, тогда какъ крестъ, носимый поселянами, не ими созданъ.

Послѣ 6-го Евангелія слышимъ «Блаженны» и вспоминаемъ о клеветникахъ на Церковь (Толстой). «Блаженны», когда будутъ поносить и всячески злословить за Меня неправедно. «Обыдоша мя псы мнози, сонмъ лукавыхъ одержаща мя... Исчезоша всѣ кости мои». 7-ое и 8-ое Евангелія говорятъ, первое о разбойникахъ, присоединившихся къ всеобщему хору палачей, отъ первосвященниковъ-казнящихъ до самихъ разбойниковъ казненныхъ. 7-ое и 8-ое Евангеліе составляютъ центръ для Великаго Пятка, они говорятъ о томъ моментѣ распятія, когда казнь достигла своей высшей точки, когда одинъ изъ казнимыхъ палачей преобразается изъ врага въ поклонника, по видимому, подъ вліяніемъ «Блаженныхъ». Въ молитвѣ разбойника: «Егда приидише» и «Царствіе

Божіе», — самое существоенное въ молитвѣ Господней, — указываютъ въ разбойникѣ бывшего ученика. Вдругъ картина мѣняется: за разбойникомъ язычникъ-воинъ исповѣдуется (Р а с п я т а г о) Сыномъ Божіимъ. И послѣ того, какъ въ 9-мъ Евангеліи будущему писателю Евангелія поручается мать, въ 10-мъ Евангеліи видимъ уже изъ среды Синедріона выходящимъ поклонника Іосифа, а въ 11-мъ Евангеліи Никодимъ изъ тайнаго ученика дѣлается явнымъ, принимаетъ участіе въ погребеніи, и самъ, наконецъ, торжествовавшій Первосвященникъ въ страхѣ проситъ Пилата поставить стражу и приложить печать, а кричавшіе: «распи Его», «кровь Его на насъ», «біюще въ перси» удаляются со страшнаго позорища и уже немного нужно было, чтобы городъ, осудившій на крестную казнь, палъ передъ умерщвленнымъ на крестѣ.

Настоящее Евангеліе утрени Великаго Пятка,*) состоящей изъ Евангельскихъ чтеній, и есть (7 и 8 Евангелія) *Евангеліе*, т. е. *радостная вѣсть* въ этотъ день глубокой печали, *вѣсть о спасеніи разбойника*. Эти два Евангелія, отдѣленные лишь покаяннымъ псалмомъ, составляютъ какъ бы одно Евангеліе. Гисапостиларій этого дня, замѣнившій «Чертогъ» первыхъ четырехъ дней страстной седмицы, посвященъ также благоразумному разбойнику, удостоившемуся вступить въ этотъ чертогъ Царства Божія. Изъ всѣхъ лицъ, замѣчательныхъ по злобѣ и любви, созываемыхъ чтеніемъ Евангелія, ни одно не приковываетъ вниманія, какъ личность этого разбойника. Кромѣ перваго Евангелія, какъ единственнаго, которое нельзя ставить въ ряды съ другими, 2-ое Евангеліе выводитъ первосвященника Анну, этого саддукея-эпикурейца, главнаго противника воскресителя Лазаря;

*) Т. е. дневное Евангеліе того дня, — Великаго Пятка. В. А. К.

3-ье Евангеліе выводитъ архіерея, «лѣту тому» Каіафу; 4-ое Пилата, этого малодушнаго судью, руками коего Анна и Каіафа совершили убійство; 5-ое Евангеліе, кромѣ раскаянія и самоубійства Іуды, — какъ въ предыдущемъ отреченіи Петра, — говоритъ о загадочной личности Варравы, который былъ также разбойникъ, только не благо-разумный, — благоразумный разбойникъ, конечно, поступилъ бы иначе, если бы былъ на его мѣ-стѣ; 6-ое Евангеліе выводитъ Симона Киринаея, селянина, мужика, облегчившаго крестную ношу Христа. Греки, въ своей службѣ на утрени Великаго Пятка, выносятъ запрестольный крестъ послѣ пятаго Евангелія, которое оканчивается упоми-наніемъ о Симонѣ Кириносѣ и утверждаютъ его (крестъ) среди церкви. Въ 6 и 7 Евангеліяхъ упоминается о разбойникахъ, распятыхъ съ Хри-стомъ, но только восьмое говоритъ о *благоразум-номъ разбойникѣ* и его послѣдователѣ Сотникѣ, можетъ быть изъ тѣхъ воиновъ, которые издѣва-лись, облакая Его багряницею, можетъ быть у этого разбойника была минута, когда и онъ увлек-ся общею ненавистью къ Воскресителю, какъ свидѣтельствуеть о томъ Матѳей. 9-ое Евангеліе выводитъ Матерь и любимаго ученика, — и Греки, болѣе насъ чуткіе, — услышавши эти слова — «стояху при крестѣ Іисуса», — выносятъ иконы Богоматери и Іоанна Богослова. 10-ое Евангеліе выводитъ Іосифа Аримафея, а 11-ое Евангеліе Никодима, но иконъ ни Іосифа, ни Никодима и Греки не выносятъ ко кресту, хотя послѣдователь-ность, казалось-бы, требовала такого выноса. 12-ое Евангеліе не выводитъ новаго лица, а погребаетъ самого Господа.

Обращеніе разбойника, это поворотный пунктъ въ исторіи страданія. До сихъ поръ предательство, отреченіе, бѣгство учениковъ, издѣвательство и надругательство князей, воиновъ и всего народа,

сбѣжавшагося на позоръ сей. Съ любовью разбойника, съ исповѣданіемъ (какъ это говоритъ херувимская Пѣснь на литургіи Великаго Четверга, соединенной съ вечерней Великаго Пятка, гдѣ уже не *«тайно образующе херувимовъ»*, а явно, какъ разбойникъ, *исповѣдуемъ* и молимся о Царствіи Божіемъ и оно наступаетъ), — за разбойникомъ обращается сотникъ, а по Матѳею — «и еже съ нимъ» стрегущіе Іисуса, — и за сотникомъ эти «всѣ», которые «бѣюще перси своя возвращахуся», — возвращались уже другими, новыми людьми. И немного нужно было, чтобы этотъ народъ, который еще такъ недавно съ такимъ восторгомъ встрѣчалъ побѣдителя смерти, Воскресителя Лазаря, а потомъ, нѣскольکو часовъ тому назадъ съ такою яростью требовалъ смертной казни для Воскресителя, — теперь, какъ одинъ человекъ, палъ бы къ подножію креста. Внутренно это совершалось для Іерусалима, для Палестины, для всѣхъ пришедшихъ на праздникъ. — Нѣтъ сомнѣнія, — все лучшее въ еврействѣ перестало быть іудействомъ...

Послѣ лицемѣрнаго цѣлованія, послѣ явнаго выраженія самой дикой злобы невѣдающихъ, что творять, послѣ поруганія, заушенія, оплеванія, бѣенія, ругательства, наконецъ, самихъ сораспятаыхъ, — всѣми оставленный (одинокій), Онъ слышитъ безусловно искреннее слово сораспятаго, мольбу о Царствіи Божіемъ. Въ этой мольбѣ видимъ переходъ отъ міра борьбы (разбоя) къ міру объединенія, братскаго сочувствія въ дѣлѣ отеческомъ, переходъ отъ міра ребяческаго, разрушенія всѣхъ родственныхъ узъ къ міру дѣтской, сыновней чистоты. Слово «рай» въ устахъ всѣми оставленнаго, почувствовавшаго весь ужасъ одиночества, должно представлять противоположность міру лицемѣрія, злобы. Рай, конечно, не садъ, а Царствіе Божіе, міръ нелицемѣрный люб-

ви, искренности, чистоты, кротости... Въ самой просьбѣ разбойника, выходящей изъ искренняго сердца, уже полагается, предназначается рай, Царство Божіе. За разбойникомъ послѣдуетъ сотникъ и «стрегущіе», затѣмъ «всѣ», біющіе въ перси, а за ними весь міръ.

3.

ОТЪ РОЖДЕСТВА ДО ПАСХИ.

Церковное распредѣленіе чтеній служитъ основою *эстетическаго Богословія*, выражающагося и въ росписи храма, въ пѣніи и богослуженіи, соединенныхъ въ храмѣ. Въ церковномъ распредѣленіи чтеній (это распредѣленіе поистинѣ боговдохновенное), особенно тріодномъ,*) заключается цѣлая программа *наученія*, или оглашенія, для *школъ-храмовъ*, это — *педагогическое Богословіе* (Рождество Христово, или дѣтственность и Крещеніе или Троица, какъ образецъ объединенія). Недѣлею Мытаря и Фарисея требуется замѣна нынѣшней фарисейской нравственности, — уваженія человѣческаго достоинства,**) — нравственностью мытарскою — признаніемъ смертности тѣлесной, естественной немощи, хотя этотъ мытарь можетъ быть Закхей. Недѣля «О блудномъ сынѣ» раскрываетъ ученіе о человѣкѣ, *какъ сынъ, и о Богѣ отцевъ*, не мертвыхъ, а живыхъ. Два сына этой притчи могутъ быть уподоблены язычникамъ и евреямъ, фарисеямъ, ограничивающимъ „почита-

*) Триодное распредѣленіе есть именно такое, при коемъ Евангельскія чтенія должны оказать наибольшее образовательное или воспитательное дѣйствіе. Это распредѣленіе создаетъ особое произведение, храмовую поэму, всѣми искусствами выражаемую, поэму искупленія, которая должна перейти во внѣ храмовую. Н. О. О.

**) Благоговѣніе къ *достоинству* человѣка и благоволеніе къ *жизни* животныхъ — слова фарисея изъ фарисеевъ. Замѣняя уваженіе къ человѣческому достоинству благоговѣніемъ къ нему же, Толстой порокъ самособжанія возводитъ въ религію. Н. О. О.

ние отцовъ памятниками, и саддукеямъ, отвергающимъ воскресеніе дѣйствительное и всякое почитаніе. Недѣля *о кончинѣ міра*, указывая на признаки кончины, — возстаніе сыновъ на отцовъ, царства на царство, глады, моры, — открываетъ вопросъ о причинахъ *небратскихъ отношеній* между людьми и неродственныхъ отношеній природы, какъ слѣпой силы, къ разумнымъ существамъ. Какъ бы внявъ угрозѣ, слѣдуетъ покаяніе (постъ).

Послѣдній актъ божественнаго творчества былъ первымъ актомъ человѣческаго искусства. Возстаніе живущаго (вертикальное положеніе) и воскресеніе, въ видѣ памятника умершаго и есть первый актъ человѣческаго искусства и тогда же начинается паденіе (постъ или раскаяніе въ общемъ наслѣдственномъ грѣхѣ). Въ дѣлѣ о неродственномъ отношеніи природы къ намъ и нашемъ отношеніи къ ней мы пережили нѣсколько ступеней, спускаясь въ одномъ и подымаясь въ другомъ.

Первая недѣля поста рисуетъ пороки Исава. Были плотоядны, жили ловитвою, боролись со звѣрями и тѣми же орудіями, которыми боролись со звѣрями, нападали другъ на друга и защищались одни отъ другихъ. При такомъ озвѣреніи любовь была между дѣтьми и родителями; внѣшне это — высшая ступень неродственныхъ отношеній; это коментарій въ школахъ-храмахъ на книгу Бытія, разсматриваемую съ нравственной стороны, какъ бы исторію грѣхъ наслѣдственнаго, невольнаго, грѣха общаго.

Вторая недѣля показываетъ пороки Иакова. На этой ступени убійство замѣняется рабствомъ. При уменьшеніи звѣрей, менѣе искусные, слабые, терпѣвшіе недостатокъ, сдѣлались *скотопитателями*, сами питаюсь не столько ужъ ихъ плотью, сколько молокомъ. Охота стала временнымъ праздникомъ, а неволя, трудъ исканія корма, стража, оборона скота сдѣлались постояннымъ занятіемъ.

Здѣсь возникаетъ раскаяніе въ религіи войны, каковъ Исламъ. Любовь къ родителямъ не ограничилась предѣлами жизни, и кладбища стали центромъ, сдерживавшимъ скитанія, кочеванія. Лишившіеся стадъ стали выращивать питательныя растенія; прикрѣпленные къ землѣ родомъ занятій подвергались нападеніямъ, грабежамъ къ землѣ не прикрѣпленныхъ. Здѣсь рождается раскаяніе въ обоготвореніи слѣпой силы, въ видѣ Юпитера, Перуна, или признаніи пророка Іліи за Бога. На этой ступени (земледѣльческой) сыны не отдѣлялись отъ родителей, ибо отцы погребались на самыхъ поляхъ или среди селеній. Это — ступень наименьшей вражды.

Третья недѣля позволяетъ постичь, какъ изъ обезземельныхъ создались горожане, занялись ремеслами. Внутренно, это — самая высшая ступень неродственныхъ отношеній, — самая глубина вражды.

Четвертая недѣля обнаруживаетъ, какъ изъ лишившихся орудій ремеслъ создались пролетірін. Таковъ невольный, безсознательный ходъ, слѣвавшій человѣка изъ ловца звѣрей скотопитателемъ (номады), потомъ земледѣльца, ремесленника, пролетарія, бобыля — всего лишеннаго. Городъ отнялъ и вещественное и духовное, или нравственное, достояніе, лишилъ человѣка *отцовъ-предковъ и Бога отцовъ*. Отсюда и долженъ начаться вольный сознательный ходъ возвращенія къ землѣ (охотническаго, кочевого и городского), къ праху предковъ или раскаяніе въ городскомъ язычествѣ и кочевомъ исламизмѣ, фетишизмѣ и фанатизмѣ бродяги, номада.*) Нынѣшній чело-вѣкъ сохранилъ звѣрскіе и скотскіе пороки первыхъ двухъ стадій, присоединяя къ нему утонченныя пороки города. Четвертая недѣля есть

*) Ср. Философія Общаго Дѣла, т. I, статья «Соборъ», стр. 290-298. В. А. К.

городская, а вмѣстѣ и *крестопоклонная*, ибо всякому пророку «писано въ Іерусалимѣ (т. е. городѣ) убіенному быти». Дважды совершилъ городъ преступленіе противъ Христа, дважды осудилъ Христа, паки распиналъ.

Пятая недѣля — это и высшая ступень развитія этого процесса (Городъ. Всемирная Выставка, или культъ женщины) и реакція противъ него (Марія Египетская). Высшая степень *раскаянія* выражается въ соединеніи всеобщей воинской повинности со всеобщимъ обязательнымъ образованіемъ или познаваніемъ, при чемъ — съ одной стороны, кладбище обращается въ крѣпость, а съ другой — въ Музей-школу (взамѣнъ выставки), присоеди-няемую къ храму. Сыны получаютъ сельское воспитаніе, а родители вынуждены приселяться къ кладбищу-школѣ. Это возстановленіе родствен-ныхъ отношеній людей между собой, и къ природѣ черезъ регуляцію внѣшнюю и внутреннюю.

Шестая и седьмая недѣли это — двѣ страстныя недѣли — Лазарь и Христось.

4.

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ.

Христіанскій календарь, во всѣхъ его видахъ (суточномъ, годовомъ, недѣльномъ, часовомъ, трі-одномъ, передвижномъ и неподвижномъ) *есть безусловно этический*.

Суточный періодъ состоитъ изъ двухъ литургій, т. е. онъ есть братотвореніе чрезъ усыновленіе (или сынотвореніе — литургія оглашенныхъ — или воспитаніе) для исполненія долга къ отцамъ (Евхаристіи — отцетворенія), литургія рожденія, утренняя, и литургія невечерняя, безсмертія. Литургія оглашенія, или возстанія, состоитъ изъ

объединенія распавшихся, взявшихъ жизнь отъ отцовъ, для того, чтобы не было вечера, т. е. умиранія отцовъ, и было бы возвращеніе имъ жизни, т. е. жизнь невечерняя.

Годовой періодъ состоитъ изъ двухъ полугодій: *ветхозавѣтное*, дорождественское, состоящее изъ распавшихся (новая исторія) и несоединившихся (древняя исторія) и *новозавѣтное*, изображающее проективное объединеніе для воскресенія.

Недѣльный періодъ заключаетъ въ себѣ пятидесятикратное повтореніе двухъ недѣль, недѣли страданія и смерти и недѣли воскресенія въ видѣ одного дня — воскресенія.

Часовой циклъ охватываетъ первый часъ рожденія и распаденія, третій часъ возсоединенія, шестой часъ — страданія и девятый смерти и полночный — воскресенія.

Триодный періодъ содержитъ въ себѣ *постную* триодъ, которая говоритъ о покояніи несоединившихся и распавшихся, т. е. объ объединеніи, и *цветную* триодъ, провозглашающую воскресеніе.

Неподвижный календарь включаетъ въ себя минеи и синодики, или святцы и помянники (біографіи).

5.

ПЯТАЯ НЕДѢЛЯ ВЪ ШКОЛЬ-ХРАМѢ, КАКЪ ЗАВЕРШЕНІЕ ПОКАЯНІЯ ВЪ ОБЩЕМЪ ГРѢХѢ, ВЪ ЛИЦЕМЪРНОМЪ ПОЧИТАНІИ ОТЦОВЪ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА И ВЪ ОТРИЦАНІИ ПОЧИТАНІЯ ВЪ НОВОМЪ ВРЕМЕНИ.

Пятая недѣля Великаго Поста представляетъ высшую послѣднюю ступень *покаянія* въ удаленіи отъ отцовъ и увлеченіи красотой дочерей человѣческихъ, для коихъ работаетъ вся промышленность, вся наука, какъ служанка купцовъ, фабрикантовъ (капиталистовъ) въ борьбѣ половой. Въ сре-

динѣ этой (пятой) недѣли читается житіе Маріи Египетской, землячки Клеопатры, представительницы проституціи. Кромѣ того, читается или повторяется Великій Канонъ, но читается въ одинъ разъ: что на первой седмицѣ читалось въ четыре приѣма, т. е. представлялось *по частямъ*, теперь является для сознанія въ цѣломъ, при чемъ и раскрывается общій источникъ, причина зла, требуя объединенія для борьбы съ нею. Пятая недѣля, какъ предшественница седмицы болѣзни, смерти и воскрешенія Лазаря, излагаемой въ XI-й главѣ Іоанна, соотвѣтствуетъ X-й главѣ четвертаго Евангелія, которая можетъ быть названа объединеніемъ чрезъ доброе пастырство и о дѣлѣ, какъ высшемъ доказательствѣ, о дѣлѣ Божіемъ, дѣлѣ Бога отцовъ. Творя такое дѣло, родъ человѣческой обожествляется: «Я сказалъ — вы боги» (Псал. 81, 6). Эта рѣчь о соединеніи, о дѣлѣ, какъ доказательствѣ единенія съ Богомъ, исполненія Его воли, говорится предъ самымъ послѣднимъ, высшимъ дѣломъ, высшимъ исцѣленія разслабленнаго, возвращенія зрѣнія слѣпому, — словомъ, предъ воскрешеніемъ...

Такимъ образомъ, къ вѣрѣ присоединяется знаніе причины и требуется объединеніе для воздѣйствія на эту причину.

6.

ВЕТХІЙ И НОВЫЙ ЗАВѢТЬ.

За исключеніемъ Евангелія Никодима, другія апокрифическія Евангеліе, какъ Евангеліе Рождества Дѣвы Маріи, Рождества и дѣтства Іисуса, должны быть причислены къ апокрифамъ Ветхаго Завѣта, съ которыми у нихъ много общаго.

Трогательное изліяніе скорби о неплодіи Анны,

обращеніе ко всей природѣ, — это основное чувство Ветхаго Завѣта. Новому Завѣту свойственна иная скорбь, еще болѣе глубокая, еще болѣе гнетущая, это — сознание своей бесполезности, отчужденности, жажда труда, не завидующая рождающимъ, рождающимъ на страданіе и смерть.

Новый Завѣтъ призываетъ всѣхъ жаждущихъ дѣятельности. Нѣтъ выше чувства участія во всеобщемъ трудѣ. Нѣтъ блаженнѣе падшихъ во всеобщемъ трудѣ, ибо они воскреснутъ и, воскреснувъ со всѣми, увидятъ завершение своего дѣла.

Заповѣди блаженства можно сократить въ одну заповѣдь: «Блаженны труждающіеся во всеобщемъ дѣлѣ Воскрешенія, яко тѣи воскреснутъ и, воскреснувъ, увидятъ завершение своего дѣла».

7.

КАЛЕНДАРЬ, КАКЪ ПРОГРАММА ВОСПИТАНІЯ.*)

Календарь нельзя считать законченнымъ, хотя и теперь календарь, надлежащимъ образомъ понятый, можетъ служить программой воспитанія, но онъ можетъ достигнуть и еще большаго со-

*) Этотъ стрывокъ представляетъ часть конспекта и начинается нѣсколькими фразами, позволяющими судить о планѣ статьи) которую Н. О. Федоровъ предполагалъ посвятить календарю, Начало это мы приводимъ здѣсь въ примѣчаніи, чтобы не соединять въ одномъ отрывкѣ конспективнаго наброска-плана и изложенія.

Въ началѣ настоящаго отрывка находятся слѣдующія слова:

«1. Послѣ внутренней и внѣшней росписи образовательной школы-храма.

«2. Послѣдняя состоитъ изъ двухъ литургій, соответствующихъ двумъ полугодіямъ (ветхозавѣтному и новозавѣтному) годовой службы. Третій часъ, соответствующій Пятидесятницѣ, составляетъ переходъ отъ ветхозавѣтнаго къ новозавѣтному. Кромѣ суточной есть еще недѣльная служба, которая представляетъ пятидесятикратное повтореніе двухъ недѣль: страстной и Воскресной.

Общій очеркъ».

Для рукописныхъ замѣтокъ Н. О. Федорова является обычнымъ такой порядокъ, когда конспектъ вдругъ прерывается текстомъ, который затѣмъ опять переходитъ въ конспектъ. Н.

вершенства въ воспитательномъ отношеніи. Нужды и потребности времени вызываютъ къ празднованію памяти святыхъ забытыхъ: такъ Кириллъ и Меѳодій въ наше время выдвинуты изъ забвенія. Тѣ же причины понуждаютъ и могутъ принудить къ канонизаціи хотя бы и давно жившихъ. Владиміръ святой былъ, повидимому, канонизованъ не Кіевскою Русью, а Владиміръ Мономахъ и по сіе время не причисленъ къ лику святыхъ. Тоже надо сказать и о событіяхъ.

Первое полугодіе — дорождественское. Первому объединенію, объединенію ученаго сословія и вообще такъ называемой интеллигенціи въ одну воспитательную силу, во исполненіе заповѣди наученія всѣхъ народовъ во имя Тріединого Бога отцовъ, соотвѣтствуетъ въ храмахъ-школахъ съ музеями (какъ представителями наукъ и искусствъ), постъ апостольскій, начинающійся съ праздника Пятидесятницы, праздника Троицы, какъ образа объединенія, и указанія на предстоящее дѣло объединенному братству сыновъ. Апостольскій постъ требуетъ отъ ученыхъ раскаянія въ обращеніи науки въ сословную. Вина эта не искупляется, а усугубляется созданіемъ такой фальши, какъ народныя университеты, замѣняющіе дѣйствительное знаніе популярнымъ.

*Второму объединенію, объединенію всѣхъ народовъ, чрезъ воспитательную силу перваго объединенія — въ одну естество-испытательную силу, которая обращала бы природу умерщвляющую въ оживляющую, а рождающую въ возсозидающую, — этому второму объединенію въ храмахъ-школахъ соотвѣтствуетъ такъ называемая *постная тріодъ*, которая начинается послѣ дня просвѣщенія, или крещенія. Дню же просвѣщенія долженъ предшествовать день или дни Рождества Христова, а слѣдовать за нимъ, за днемъ просвѣщенія, должны двѣ недѣли или одна посвященная*

Закхею-мытарю и Капернаумскому сотнику въ обличеніе капитализма и милитаризма. Кончается же постная тріодъ общимъ крещеніемъ или просвѣщеніемъ въ Великую Субботу.

*Третьему объединенію, объединенію конечному всѣхъ міровъ вселенной чрезъ воскрешенныя поколѣнія соотвѣтствуетъ такъ называемая *цвѣтная тріодъ* отъ праздника Пасхи до Пятидесятницы, до начала проповѣди или перваго объединенія. Эти три объединенія составляютъ новый завѣтъ, тогда какъ Рождественскій постъ составляетъ ветхій завѣтъ, состоящій изъ двухъ язычествъ или двухъ *политеизмовъ*, и двухъ *деизмовъ*, — іудейскаго и магометанскаго, — двухъ обрѣзанныхъ и двухъ необрѣзанныхъ, двухъ культуръ. Какъ крещенные, т. е. возрожденные, или дважды рожденные, считаютъ себя выше некрещенныхъ, такъ и обрѣзанные — выше необрѣзанныхъ: это два сверхчеловѣчества, внутреннее и внѣшнее.*)*

8.

ГОДОВОЙ ЦИКЛЬ И ПРОГРАММА ВОСПИТАНІЯ ВЪ ШКОЛАХЪ-ХРАМАХЪ.

Въ евангельскихъ чтеніяхъ, распредѣленныхъ по недѣлямъ, и заключается программа религіозно-нравственнаго воспитанія въ школахъ-храмахъ.

Послѣ дня крещенія или просвѣщенія, которому предшествуетъ день, посвященный евангельскому

*) Этотъ набросокъ заканчивается фразой Н. О., посвященной вопросу объ отношеніи ново-европейскаго язычества къ новому іудейству-исламу..

«Хотя ново-европейское язычество вовсе не враждебно магометанскому деизму и даже видѣло въ Исламѣ что-то величавое (напримѣръ, Наполеонъ), тѣмъ не менѣе оно шло въ тылъ магометанства и встрѣтилось съ сухопутнымъ движеніемъ противъ того же Ислама».

За этой фразой слѣдуетъ продолженіе конспекта, начало котораго

дитяти (т. е. Рождеству Христову*), какъ основѣ нравственности, начинается приготовленіе къ раскаянію, или посту; но предъ недѣлею мытаря и фарисея, съ которой собственно начинается приготовленіе къ посту, помѣщается *недѣля, посвященная Закхею-мытарю:**)* это вопросъ о миллиардахъ, во главѣ которыхъ нужно поставить Карнеджи съ его сочиненіемъ, дерзко названнымъ евангеліемъ богатства. Карнеджи — мытарь, но не Закхей. Сей послѣдній *ликвидируетъ* свое богатство, тогда какъ Карнеджи своими миллионными пожертвованіями желаетъ санкціонировать наживу, увѣковѣчить ее, санкціонировать богатыхъ, составить святцы имъ, календарь святыхъ капиталистовъ, изъ коихъ онъ будетъ первымъ. Но если въ лицѣ Закхея осуждается незаконная прибыль, то не одобряются и социалисты, которые подъ видомъ любви къ бѣднымъ питаютъ ненависть къ богатымъ, ибо ни революція, ни эволюція не значить спасеніе. Только замѣна вопроса о богатствѣ и бѣдности вопросомъ о смерти и жизни, котораго первый составляетъ лишь част-

приведено нами выше въ примѣчаніи, помѣщеніемъ въ началѣ настоящей замѣтки. Приводимъ его полностью:

«1-ое *полугодіе*, проективное, ведущее къ виѣхрамовому. По рождественское, новозавѣтное, веселіе, недозрѣвшее.

«2. Служба суточная и годовая, какъ средство воспитанія. Въ этихъ службахъ выражается евангелизація года и сутокъ или высшая, т. е. христіанская морализація ими времени. Въ этихъ службахъ выражается требованіе обратить естественное, слѣпое теченіе времени, какъ безнравственное, безбожное и безчеловѣчное, т. е. путемъ рожденія новаго умерщвляющее старое, — въ нравственное, — т. е. чрезъ новое (раскаявшихся и объединившихся сыновъ) воскрешающее старое (отцовъ)».

Къ этому конспекту примыкаютъ двѣ слѣдующія замѣтки, которыя представляютъ его развитіе.

Н.
*) Праздникъ Рождества Христова — праздникъ всѣхъ дѣтей, судя по мѣсту рожденія божественнаго младенца, не исключая и осужденныхъ, не по ихъ, конечно, винѣ, на развращающую жизнь въ роскоши.

Н. О. О.
**) Къ недѣлѣ Закхея, или о кающемся *индустриализмѣ*, необходимо присоединить недѣлю Капернаумскаго сотника (соединяя его съ сотникомъ при крестѣ), или недѣлю о кающемся *милитаризмѣ*.

Н. О. О.

ный случай, есть путь спасенія. Въ храмахъ-школахъ всеобще-обязательнаго образованія предметомъ раскаянія дѣлаются не личные лишь пороки, но *пороки общественные*, пороки самого общества.

Недѣля Мытаря и Фарисея ставитъ вопросъ о двухъ нравственностяхъ — о саддукейско-фарисейской, на сознаніи личного достоинства основанной, и о нравственности мытарской, основанной на сознаніи недостойности, на раскаяніи во грѣхѣ, приведшемъ къ смерти.

Недѣля о блудномъ сынѣ есть недѣля о гуманизмѣ, феминизмѣ и гомонкулизмѣ (?) или, вообще, хамитизмѣ.

Недѣля о Страшномъ Судѣ — дѣтскій анархизмъ или возстаніе сыновъ на отцовъ.

Великій постъ учитъ о началѣ мира, о вертикальномъ положеніи или началѣ религіи, и о сторожевомъ положеніи или милитаризмѣ.

Четыре недѣли говорятъ о четырехъ бытахъ: первая о бродячемъ или избіеніи животныхъ, — почитаніи силы разрушительной; вторая о содѣйствіи къ разведенію скота, — почитаніи силы производительной; третья о земледѣліи, — обращеніи праха предковъ въ пищу и на другіе нужды потомкамъ; четвертая рисуетъ городъ, — *индустриализмъ*, — или обращеніе праха предковъ въ предметы возбужденія половыхъ страстей и сближенія половъ, — *и милитаризмъ* — крестовыя и священныя войны и войны торговыя.

Пятая недѣля показываетъ пороки новѣйшаго, культурнаго города, изъ коихъ самый наибольшій капитализмъ.

Шестая недѣля ставитъ вопросъ о двухъ Лазаряхъ, первый пасхальный вопросъ о замѣнѣ вопроса о богатствѣ и бѣдности вопросомъ о смерти и о возвращеніи жизни, завершеніемъ чего явля-

ется Пасха страданія и смерти и Пасха воскресенія.

Пятая недѣля — является недѣлей наибольшаго грѣха, въ новѣйшемъ городѣ проявляющагося въ вырожденіи и вымираніи. Истинная его религія — Буддизмъ. Въ немъ, въ новѣйшемъ городѣ, излишества, даваемая богатствомъ, и лишенія отъ бѣдности происходящія, вызываютъ ожесточенную борьбу, неудовлетворяющуюся старыми орудіями, требующую новыхъ, болѣе могучихъ. Разумъ, поработанный индустриализмомъ, служитъ половому подбору и духу истребленія (милитаризму). Признаніе себя животными служитъ завершеніемъ новаго города (зооантропизмъ).

Шестая недѣля посвящена двумъ Лазарямъ, т. е. вопросамъ о богатствѣ и бѣдности и о смерти и жизни. На этой недѣлѣ предлагается замѣнить первый вопросъ вторымъ. Слѣдующіе двѣ недѣли и посвящены этому вопросу и поставлены образцомъ всѣмъ пятидесяти недѣлямъ года, посвящая день предательства (среду) и день страданія и смерти (пятницу) посту.

Въ другой половинѣ года тотъ же вопросъ о смерти и жизни вновь напоминаетъ въ двухъ дняхъ: день Воздвиженія Креста Господня и Словущее Воскресеніе.

9.

О ПОСТѢ, КАКЪ РАСКАЯНІИ ВЪ ОБЩЕМЪ ГРѢХѢ ПРИ ПОМОЩИ ШКОЛЫ ИЛИ ХРАМА.

Постъ сталъ раскаяніемъ въ личныхъ грѣхахъ каждаго, а не въ общемъ грѣхѣ и прежде всего въ розни и гнетѣ однихъ надъ другими, отдающихъ всѣхъ въ безусловную власть слѣпой силѣ. Раскаяніе въ культурѣ, т. е. самоистребленіи, въ ци-

визації, или взаимномъ истребленіи, и эксплоатаціи, или истощеніи силы природы (земли), также не стало еще дѣломъ поста, т. е. раскаяніемъ во всемъ, что мы всѣ дѣлали и дѣлаемъ, иначе раскаяніемъ во всей исторіи человѣческаго рода. Канонъ Андрея Критскаго, коимъ начинается и кончается (на 5-ой недѣлѣ) постъ, какъ раскаяніе, касается лишь отдѣльныхъ лицъ, заставляетъ каяться хотя бы и всѣхъ, но въ отдѣльности, въ рознь, а не всѣхъ въ общихъ грѣхахъ. Хотя недѣли приготовительныя къ посту и приводятъ, или по крайней мѣрѣ должны приводить къ отрицанію прежде всего самой основы фарисейской или зооантропической нравственности, а затѣмъ къ признанію своего отчужденія отъ отцовъ, какъ одного отца, и необходимости возвращенія къ праху отцовъ, и, наконецъ, къ признанію полному той прискорбной участи, которая ожидаетъ весь родъ человѣческій въ случаѣ невозвращенія къ дому отеческому, къ землѣ, къ небу, къ природѣ и къ объединенію въ управленіи слѣпою силою природы. Крещеніе въ безсознательномъ возрастѣ должно увеличить значеніе покаянія. Школа или знаніе, должна прійти на помощь вѣрѣ, сдѣлать покаяніе дѣломъ не одного только поста, ни даже и большей части только года, должна обратить покаяніе въ дѣло, въ дѣло всей жизни всѣхъ, т. е. въ общее дѣло. Раскаяніе въ личныхъ грѣхахъ вполне достаточно для спасенія только личнаго. Недѣля кончины міра и страшнаго суда требуетъ покаянія, объединенія всеобщаго, чтобы весь родъ человѣческій въ его полнотѣ перешелъ отъ смерти въ животъ, а не былъ бы призванъ къ суду. Школа и должна задать себѣ вопросъ о причинахъ непосредственныхъ отношеній между людьми и о неродственномъ отношеніи природы, какъ слѣпой силы, къ разумнымъ существамъ.

О ХРИСТИАНСКОМЪ КАЛЕНДАРѢ.

Христіанскій календарь образовался путемъ догматическихъ споровъ христіанъ съ язычниками и іудеями, и споровъ между самими христіанами, распавшимися на іудействующихъ и язычествующихъ, и потому то календарь не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженствовалъ быть, т. е. не споромъ, а проектомъ умиротворенія и возсозданія, выражающимся въ переходѣ къ селу (безъ чего не можетъ быть примиренія) и къ сельской работѣ всечеловѣческой. Сельскій календарь есть прямое выраженіе мірового знанія и дѣйствія. Во времени сельскій житель видитъ и чувствуетъ проявленіе силъ, ихъ возрастанія, упадка, возстановленія. Городскіе календари отвлеченные, числовые, мѣсяцы означаются числомъ (сентябрь-декабрь), также и дни мѣсяцевъ. Церковные отмѣчены праздниками и памятями святыхъ. Въ самомъ праздникѣ христіанъ Пасхѣ, который не былъ понятъ какъ дѣло, крылся уже поводъ къ спору. Послѣдователи Христа, согласные, но далеко не вполне, въ томъ, что, какъ чрезъ перваго человѣка пришла смерть на землю, такъ чрезъ втораго Адама-Христа — воскресеніе, не могли не вспоминать, когда наступалъ день новолѣтія (вспоминаніе созданія міра) и особенно въ 6-ой день новаго лѣта, день сотворенія Адама, его паденія и смерти, не могли не вспоминать о второмъ Адамѣ, и тѣмъ болѣе, что все ученіе (споры) христіанъ, гностиковъ и евіонитовъ основывалось на этой параллели двухъ Адамовъ. Даже самыя народныя преданія, легенды, развивались на основаніи того же сопоставленія: народное сказаніе хоронитъ Адама на Голгоѣѣ и изъ древа искушенія создаетъ крестъ и ставитъ его на могилѣ перваго

человѣка. Мѣсто паденія легенда дѣлаеть и мѣстомъ смерти и искупленія, и точно также поступаетъ и относительно времени. Такимъ образомъ, шестой день новаго года самъ собою обратился въ праздникъ не по искусственному установленію, а по самому ходу христіанской мысли. Относительно же значенія этого праздника между христіанами различныхъ толковъ поднялись ожесточенные споры. Для однихъ онъ былъ днемъ воплощенія, Рожденія, а для другихъ днемъ крещенія (первые докеты не признавали человѣческой природы, а вторые божественной), а для православныхъ этотъ день былъ праздникомъ и Рождества и крещенія. Для непризнававшихъ «Рождества» первыя главы Матѳея и Луки — были неподлинными.

Дальнѣйшимъ развитіемъ христіанскій календарь обязанъ спорамъ, поднятымъ аріанами, и продолженію споровъ съ язычниками и іудеями. Учрежденіе особаго праздника Рождества Христова можетъ считаться самою характерною чертою царствованія Феодосія и его времени. Этотъ праздникъ установленъ въ видахъ противодѣйствія аріанамъ. Въ этомъ учрежденіи Іоаннъ Златоустъ видѣлъ средство «заставить народъ *почувствовать* рожденіе Іисуса Христа *во всей его славу*», т. е. перенести теоретическіе аргументы въ наглядные, драматическіе. Достаточно привести «славленіе» Христа дѣтьми, чтобы показать, какъ праздникъ сдѣлался популярень. Праздникъ Рождества Христова, будучи противуаріанскимъ, былъ и противуязыческимъ и въ особенности антиперсидскимъ и антиманихейскимъ, онъ замѣнялъ культъ поклоненія солнцу и звѣздамъ поклоненіемъ Творцу солнца и звѣздъ (Кириллъ Іерус. Оглаш. 11, 21, 15, 30. Поклоненіе волхвовъ, звѣздопоклонниковъ, самими звѣздами приведенныхъ на поклоненіе Солнцу-правды). Ибо, начиная съ конца 11-го вѣка

и даже ранѣе, въ Римской Имперіи начинаетъ распространяться культъ Миѳры и само языческое многобожіе стремится объединиться въ культъ Солнца. Не одна борьба съ христіанствомъ способствовала объединенію языческаго культа въ поклоненіи солнцу, но и военные успѣхи персовъ, эти новоперсидскія войны имѣли большое участіе въ преображеніи греко-римской религіи. У поклонниковъ Солнца въ Римской Имперіи 25 декабря, по Юліанскому календарю, день солнцестоянія, сталъ праздникомъ рожденія солнца такъ же, какъ и каждый седьмой день былъ днемъ солнца. Январь — мѣсяць солнца, а декабрь — мѣсяць сатурна. Юліемъ былъ установленъ культъ солнца съ новой стороны. Религіи Востока были основаны на астрологіи. Наблюденіе неба было религіознымъ долгомъ жрецовъ. Подъ вліяніемъ новоперсидскихъ войнъ астрологическая религія усвоена была Римскою Имперіею: введено было дѣленіе года на седмицы, въ коихъ каждый день былъ посвященъ особой планетѣ. Христіанство было право, отвергая астрологическія наблюденія, но было неправо не сдѣлавъ астрономическихъ наблюденій всеобщимъ долгомъ, не сдѣлавъ долгомъ постепенное ихъ введеніе. Задача состояла, конечно, не въ томъ, чтобы замѣнить названіе для солнца днемъ воскресенія, а въ обращеніи силы солнца (рождающей и умерщвляющей) въ воскрешающую силу. Какъ всѣ религіи языческія объединились въ культъ солнца, такъ въ новое время всѣ науки могутъ объединиться въ астрономіи, какъ предметъ изученія всего человѣческаго рода, а исторія и будетъ изученіемъ неба для обращенія его силы въ силу воскрешающую съ новой стороны. Если мы взглянемъ на поводы и причины борьбы православныхъ съ аріанами и христіанъ съ язычниками, то ничего, кромѣ недоразумѣнія, не найдемъ. Если бы новый кален-

дарь былъ проектомъ объединенія въ дѣлѣ Воскресенія чрезъ регуляцію естественныхъ силъ, тогда непоклоненіе имѣло бы практическое значеніе, а при календарѣ, при коемъ существенно внѣшнихъ различій между христіанами и язычниками не было, ибо христіанинъ внѣ храма обращался въ молитвѣ къ небу, какъ и поклонникъ солнца, разница была въ представленіи: одни выдѣляли отъ явленія причину, а другіе въ самомъ явленіи чтили причину. Христіанскій календарь, съ установленіемъ праздника Рождества Христова, замѣнилъ языческій календарь. Полугодіе, начинающееся обращеніемъ солнца на лѣто, увеличеніемъ дней, или, на языкѣ язычниковъ, «рожденіемъ солнца», посвящено въ лицѣ Христа новому міру, ибо на это полугодіе падаютъ два праздника Рождество и Благовѣщеніе, и съ благовѣщеніемъ всегда бы совпадалъ праздникъ воскресенія, если бы не было подвижнымъ полугодіе искупленія. Другое полугодіе, начинающееся обращеніемъ солнца на зиму, посвящено древнему міру въ лицѣ Предтечи Іоанна: въ этомъ полугодіи празднуютъ его рожденіе (24 іюня) и зачатіе (24 сентября) и заканчивается оно недѣлею протцевъ, т. е. признаніемъ грѣха противъ отцовъ (*полугодіе покаянія*). Такимъ образомъ, на всѣ четыре главные годовые пункта, какъ они опредѣлены по календарю Юлія Цезаря, дѣйствительно пали четыре Евангельскіе событія, которыя имѣютъ значеніе христіанскихъ праздниковъ, на что справедливо обращаетъ вниманіе Пиперъ. Годовые пункты эти по календарю Юлія должны наступать за 8 дней до перваго апрѣля, іюля, октября и января: такимъ образомъ, 25 марта — весеннее равноденствіе Благовѣщеніе, 24 іюня — лѣтній поворотъ Рождество Іоанна, 24 сентября осеннее равноденствіе зачатіе Іоанна Предтечи, 25 декабря праздникъ солнца замѣненъ новымъ

Рождества Христова. Въ настоящее время между естественными праздниками и христіанскими уже совпаденія нѣтъ и даже распаденіе между ними будетъ все увеличиваться, потому что дѣйствительной связи между ними нѣтъ, такъ какъ непразднованіе составляетъ причину поворота солнца. У христіанъ есть собственно одинъ праздникъ, *праздникъ Искупленія или Воскресенія*. Въ установленіи праздника Рождества выразилось торжество язычества, торжество мышленія, философіи надъ дѣйствиємъ. Иудеи и вообще не праздновали дней рожденія, какъ не празднуютъ ихъ и въ Россіи (дни именинъ есть дни крещенія). Календарь есть синодикъ, запись дней кончинъ, за небольшими исключеніями, которые никакъ не могутъ быть объяснены христіански, ибо Рождество Христа есть рожденіе безгрѣшное. Празднованіе дней рожденія въ свѣтскомъ обществѣ западнаго происхожденія. Нѣтъ ничего болѣе противоположнаго христіанству, какъ пассивное воспоминаніе. Воспоминаніе можетъ относиться только къ прошедшему, и какъ воспоминаніе только, оно безотраднo, ибо для пассивнаго воспоминанія прошедшее безвозвратно. Весь календарь истинно христіанскій состоитъ изъ сокрушенія о паденіи (нарушеніи братства и забвеніи отечества), т. е. изъ изслѣдованія причинъ паденія и изъ искупленія, или возстановленія братства и воскрешенія. Праздникъ Рождества, совпадающій съ увеличеніемъ дней и праздникъ Пасхи, совпадающій съ усиленіемъ теплоты, *активно* должны бы выразиться въ регуляціи свѣта и теплоты, какъ силы оживляющей. Христіанскій календарь совпадаетъ не съ городскимъ, который и есть свѣтскій, языческій, а съ сельскимъ земледѣльческимъ, замѣняя только мифическое искусство дѣйствительнымъ воскрешеніемъ, какъ результатомъ регуляціи естественными явленіями. Рели-

гіозные праздники въ городахъ еще не совершенно утратили связь съ естественнымъ календаремъ, — тогда какъ свѣтскіе увеселенія (театръ) драмы уже совершенно потеряли связь съ нимъ: потому драмы и являются какими то отрывками, эпизодами безъ начала и конца или цѣли.

11.

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ, ОСЕННЕЕ, ОТЖИВШЕЕ.

Дорождественскій постъ естественно посвятить древнему и новому язычеству, старому и новому эллинизму, т. е. *древней и новой исторіи* Западной Европы, или ближняго Запада. Называя новую исторію язычествомъ, мы хотимъ сказать, что то, что называется *свѣтскою исторіею*, есть также религія, только религія языческая, т. е. идео и идололѣятрическая. Противники классицизма въ своей ненависти къ нему доходятъ до того, что утверждаютъ, будто понять эллинизмъ значитъ отречься отъ Христа. Но развѣ Василій Великій и Григорій Богословъ, учась въ Афинскихъ школахъ, меньше понимали эллинизмъ, чѣмъ В. Розановъ, а не отрекались отъ христіанства. Сами эллины, переходя въ христіанство, развѣ не понимали эллинизма. «Древній человѣкъ умеръ и не воскресимъ», говоритъ В. Розановъ. Древній человѣкъ не умиралъ, а таился въ Византіи, и воскресъ при первомъ удобномъ случаѣ, сперва на мусульманскомъ востокѣ, а потомъ на христіанскомъ западѣ, воскресъ онъ въ Италіи, затѣмъ во Франціи, только это не былъ истинный, а псевдо-эллинизмъ. Не былъ истиннымъ эллинизмъ и въ Германіи. Истинное пониманіе лишь начинается въ наше время, благодаря вскрытію погребеннаго эллинизма. Не понималъ его самъ великій

язычникъ, какъ не понималъ онъ и христіанства. Говоря, что «куръезъ о Троицѣ я никогда не могъ понять» — онъ этимъ только доказываетъ, что ученіе о высшей нравственности для людей, взятыхъ не въ отдѣльности, а въ ихъ совокупности и сознание ими ихъ историческаго дѣла, ему, Гете, даже и не снилось. Онъ зналъ исторію лишь какъ фактъ, а не какъ проектъ. Древній грекъ вовсе не былъ такимъ жизнерадостнымъ, какъ великій псевдоязычникъ.

Розановъ, желая напугать христіанъ, хватающихся за полы эллинскаго хитона, возглашаетъ: «Сказать-ли имъ всю полную правду? Они затрепещутъ (т. е. близорукіе классики). Но я, — говоритъ безстрашный Розановъ, — «я все таки выговорю: отрекитесь отъ Христа, тогда вы поймете эллинизмъ». А ну, какъ близорукіе классики скажутъ ему, вмѣстѣ съ Штраусомъ, авторомъ Старой и Новой вѣры: — «мы все не христіане». Розановъ самъ себѣ поставилъ диллему: если онъ понимаетъ эллинизмъ, то онъ не христіанинъ, а если онъ не отрекся отъ Христа, то онъ не понимаетъ эллинизма. Истинное христіанство совмѣщаетъ въ себѣ всѣ религіи, и эллинизмъ составляетъ его необходимый элементъ. И древній эллинизмъ, котораго новая исторія Западной Европы составляетъ возстановленіе, есть ветхій завѣтъ для христіанства, какъ и іудейство, коего магометанство есть также возстановленіе. Уничтожая классицизмъ, возстановленіемъ котораго создавалась вся новая исторія Европы, участниками которой и мы сдѣлались чрезъ усвоеніе классицизма или язычества, чрезъ обращеніе въ сословіе свѣтское (секуляризмъ), мы хотимъ замѣнить его, уничтожаемый классицизмъ, исторією, естествовѣдѣніемъ и законовѣдѣніемъ. Но какой смыслъ имѣтъ введеніе естествознанія?...

Итакъ, дорождественскій постъ составляетъ

всю исторію ближняго Востока и ближняго Запада, или исторію ветхаго Завета, понятаго не въ еврейскомъ лишь смыслѣ.

Дорождественскому періоду — въ годовомъ богослужебномъ періодѣ, въ суточномъ періодѣ соотвѣтствуетъ литургія оглашенныхъ, въ которой заключается и древнее язычество (до христіанское) и новое язычество (павшее). Это ветхій заветъ. Дѣйствительнаго христіанства еще нѣтъ (т. е. общей святости еще нѣтъ). Постоянные на каждой недѣлѣ дни покаянія (поста) показываютъ, что христіане сознаютъ недѣйствительность христіанства.

Въ росписи школы-храма нижняя часть должна быть посвящена изображенію язычества и христіанства, т. е. ветхому завету.

Дорождественскій постъ, посвященный обсужденію древняго и новаго язычества, т. е. древней и новой исторіи — Новой, какъ возстановленной Древней, — кончается двумя недѣлями, недѣлею св. Праотцевъ и недѣлею св. Отцовъ. Новая исторія, хотя она есть возвращеніе къ язычеству и отреченіе отъ св. Праотцевъ и св. Отцовъ, тѣмъ не менѣе представляетъ два обходныхъ движенія, океаническое и континентальное въ тылъ Исламу, вызванныя, необходимо, неудачею фронтальныхъ атакъ (крестовыхъ походовъ) и порывомъ центра, взятіемъ Константинополя. Эти два обходныхъ движенія встрѣтились на предполагаемой могилѣ праотца Арійскаго, а можетъ быть и Анарійскихъ временъ (Памиръ) и вообще на всемъ Дальнемъ Востокѣ, который еще по сіе время живетъ въ дохристіанской эпохѣ, т. е. въ ветхомъ заветѣ.

О СОВРЕМЕННОМЪ ВЕТХОМЪ ЗАВѢТѢ И ДѢЛЕНИИ КАЛЕНДАРЯ.

Вопросъ объ обращеніи Китая въ христіанство, т. е. Дальняго Востока *черезъ насъ*, имѣетъ особое значеніе, о чемъ и сказано въ статьѣ о Христіанскомъ памятникѣ въ Китаѣ.*) Относя исторію Дальняго Востока къ Ветхому Заѣту, мы, конечно, должны распространить дорождественскій періодъ и на все порождественское полугодіе до собора апостоловъ (30 іюня), до послѣдняго дня новозавѣтнаго полугодія, начинающагося отъ Рождества Христова и кончающагося названнымъ сейчасъ днемъ собора апостоловъ.

Такимъ образомъ, историческій христіанскій календарь, соединяющій свѣтское съ духовнымъ, раздѣляется на два періода или полугодія: новозавѣтное отъ 25 декабря по 30-ое іюня и ветхозавѣтное отъ 1-го іюля до 25-го декабря. Въ ветхозавѣтномъ полугодіи христіанство является въ видѣ Воздвиженія Креста и Словущаго Воскресенія Воздвиженія Креста, это праздникъ постановки придорожныхъ крестовъ, сооруженія часовень, возведенія обыденныхъ храмовъ, время, когда внѣхрамовое дѣло стало недѣйствительнымъ воскрешеніемъ, а лишеніемъ жизни, войною. Въ эпоху нашествій самая мысль о христіанствѣ, какъ объединеніи для воскрешенія, утратилась: въ это время особымъ почитаніемъ пользовались, съ одной стороны — Архистратигъ Михаилъ. Георгій Побѣдоносець, и самый крестъ сталъ знаменіемъ войны, — а съ другой — Богоматерь, передъ которою матери убитыхъ на войнѣ излива-

*) Имѣется въ виду статья Н. О. Федорова: «Чему научаетъ древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ», напечатанная въ свое время въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и недавно воспроизведенная въ «Извѣстіяхъ Юридическаго факультета въ гор. Харбинѣ».

ли свою скорбь о своих потеряхъ. Въ ветхозавѣтномъ полугодіи, полугодіи уменьшенія свѣта и тепла, такъ же, какъ и въ полугодіи наростанія свѣта и тепла, новозавѣтномъ, подъ двумя, или точнѣе — тремя, подвижными праздниками въ сказанныхъ предѣлахъ, — т. е. присоединяя къ постной тріоди предшествующее время, отъ праздника Рождества Христова, а къ цвѣтной тріоди присоединяя время поста Петровскаго до собора апостоловъ (30 іюня), — находится исторія, посвященная множеству святыхъ подвижниковъ.

13.

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ ДОРОЖДЕСТВЕНСКОЕ, ОСЕННЕЕ, ВЕТХОЗАВѢТНОЕ.

Благодаря, конечно, вліянію профессоровъ и ученыхъ, вообще, въ исторіи всѣхъ народовъ, какъ языческихъ, такъ и народовъ магометанскихъ и еврейскаго, отдается рѣшительное, даже исключительное предпочтеніе *догматической* части и совершенно игнорируется внѣшняя, обрядовая, календарная часть, т. е. то, въ чемъ наглядно выражается догматическая сторона. Слѣдовательно, въ исторіи знакомятъ съ тѣмъ, что существуетъ въ немногихъ головахъ, а въ чемъ всѣ участвуютъ, что всѣмъ извѣстно; народное, — тѣмъ пренебрегаютъ. Въ дѣлѣ примиренія народовъ, — конечно, гораздо большую важность имѣетъ наружная сторона, а потому и нужно особенное вниманіе обратить на еортологію (?) древнихъ народовъ. Языческіе календари замѣнялись христіанскими, какъ храмы Юпитера замѣнялись храмами пророка Іліи, даже на самомъ Олимпѣ. И у насъ въ Кіевѣ первый храмъ, конечно, имѣлъ въ виду замѣнить Перуна или Перкуна. У всѣхъ народовъ, даже

самыхъ развращенныхъ, каковы буддійскіе, существуетъ обычай принесенія пищи на могилы, что имѣетъ общій, конечно, источникъ съ христіанскою Евхаристіею. Самопревозносящаяся, фанатичная, нетерпимая догматика, какъ богословская, такъ и философская, съ презрѣніемъ смотритъ на внѣшность, т. е. на художественную часть, забывая, что она сама (догматика), какъ мысленное, мнимое, безъ дѣла, лишена всякой цѣнности.

И второе полугодіе, начинающееся послѣ дня (30 іюня) *Собора Апостоловъ* и кончающееся недѣлями пратоцевъ и св. отцовъ, имѣетъ чрезвычайно важное въ христіанскомъ народовоспитательномъ отношеніи значеніе, хотя оно, какъ дорождественское, болѣе относится къ ветхому завѣту, іудео-магометанскому, а также древнему и новому язычеству, чѣмъ къ христіанскому. Въ предпочтеніи, отдаваемомъ празднику Рождества Христова предъ Пасхою на ближнемъ и особенно на дальнемъ Западѣ, *выражается возвращеніе къ язычеству*, кромѣ секуляризаціи жизни вообще. Праздникъ Св. Духа у протестантовъ, вытѣсняющій праздникъ Пресв. Троицы, есть именно идеолатрическій.

Праздникъ Иліи пророка, явленіе Моисея и Иліи въ день Преображенія, мученическая смерть новаго Иліи и день обрѣтенія Креста и сооруженія храма Воскресенія могли бы составить своего рода Тріодь. Въ дорождественскомъ полугодіи, въ месяцъ грозъ, іюлѣ, празднуется память великаго пророка Иліи, которому подобіе находятъ въ непосредственномъ Предтечѣ Господа Іисуса. Недостаточно назвать его пророкомъ, ибо ему дана была власть низводить дождь. Отсюда его ревность, его презрѣніе къ поклонникамъ Ваала, Зевеса, Юпитера или Перуна — бога грозъ, къ поклонникамъ того, чѣмъ онъ владѣлъ, что было

въ его власти. Онъ не разбивалъ статуй этихъ боговъ, ибо уничтоженіе ихъ не измѣняло отношенія человѣка къ грозовой силѣ, — человѣкъ разбивалъ изображенія бога грозовой силы, а сила эта продолжала карать человѣка и многодождіемъ, бездождіемъ, солнечными и грозowymi ударами. Простодушные школьные учителя чрезвычайно гордятся, что сумѣли просвѣтить своихъ учениковъ, доказавъ, что не Илія пророкъ, не разумная, а слѣпая сила господствуетъ надъ нами въ грозахъ, буряхъ, посылаетъ дождь и ведро. Конечно, то, что школьные учителя вмѣняютъ себѣ въ славу, есть позоръ для разумныхъ существъ. Они, конечно, не понимаютъ, что въ пророкѣ показанъ образецъ того, чѣмъ должны быть люди, какъ разумные существа, въ ихъ совокупности. Сверхъестественный даръ у пророка долженъ стать естественнымъ слѣдствіемъ управленія слѣпою силою. Въ Преображеніи видимъ, въ чемъ состоитъ истинная слава разумно-нравственныхъ существъ, — видимъ Господа Іисуса, готоваго принести свою жизнь за искупленіе человѣка отъ грѣха и смерти: съ одной стороны Его видимъ Моисея, освободившаго народъ отъ ига индустриализма и милитаризма, которому заставляли служить фараоны, а съ другой стороны видимъ Ілію, которому дана власть надъ силой, отъ которой зависитъ существованіе человѣка, которая можетъ дать и можетъ лишить человѣка хлѣба насущнаго. Илія покровитель изученія грозовой силы, какъ основной, не только метеорической, но и космической силы, т. е. всего естествознанія, ведущаго къ дѣлу или регуляціи этой силы.

Въ концѣ мѣсяца августа видимъ мученическую кончину Новаго Іліи. Въ серединѣ мѣсяца сентября освящается, придается священное значеніе дню обрѣтенія Креста Господня и сооруженію храма Воскресенія, ибо храмы Воскресенія дол-

жны служить и своею внѣшнею и внутреннею росписью и пѣніемъ, или службою, дѣлу воспитанія, т. е. освобожденію отъ ига индустриализма и объединенію для регуляціи, подчиненія грозовой (Электро-термической) силы. Праздникъ обрѣтенія Креста, вскрытія пещеры, гроба и сооруже-нія храма Воскресенія соотвѣтствуетъ въ весен-немъ полугодіи Пасхѣ страданія и Пасхѣ Воскре-сенія. Тамъ храмъ, вновь очищенный отъ крова-выхъ жертвъ Воскресителемъ Лазаря, недолго оставался чистымъ. Хотя въ Евангеліи и не го-ворится о возстановленіи кровавыхъ жертвъ, но предсказаніе о *близкомъ разрушеніи храма пока-зываетъ, что не только кровопролитіе возобно-вилось, но и приверженцы кровавыхъ жертвъ рѣшили самого очистителя принести въ жертву* и у предсказывавшаго разрушеніе храма разру-шить храмъ Его тѣла.

День обрѣтенія Креста — праздникъ археоло-гіи, или, вообще праздникъ исторіи. Первымъ археологомъ была Елена Византійская. Какъ Ілія покровитель естествознанія, такъ Елена покровительница историческаго знанія.

14.

РУССКО - ВСЕ МІРНЫЙ, ИЛИ ВСЕ МІРНО - РУССКІЙ, КАЛЕН- ДАРЬ, КАКЪ ФАКТЪ.

Мѣсяцъ іюль имѣетъ особое значеніе для рус-ской исторіи. Въ этотъ мѣсяца празднуется память Ольги, первой, совершившей *мирное хожденіе, пелеринажъ, въ православный Царь-градъ, какъ бы въ искупленіе грѣха своего мужа Игоря и его опекуна Олега, совершившихъ вооруженный пе-леринаяжъ. Получивъ во Св. крещеніи знамена-тельное имя матери Царя Константина, Ольга*

была ознакомлена, конечно, съ житіемъ благочестивой царицы, съ ея хожденіемъ въ Іерусалимъ, съ открытіемъ христіанскому міру Голгофы и пещеры гроба для пелеринажа (это великое археологическое открытіе), съ созданіемъ храма Воскресенія по прошествіи почти 3-хъ вѣковъ отъ дня страданія и воскресенія (это священный христіанскій музей). Къ сожалѣнію, новая русская Елена не дожила до свѣтлыхъ дней своего внука, чтобы быть подражательницей Византійской Елены въ созданіи храмовъ страданія и воскресенія. Въ половинѣ же мѣсяца іюля вспоминаемъ русскаго Константина, т. е. равноапостольнаго Владиміра и забываемъ другого Владиміра (Мономаха), на котораго падающая Восточная Имперія возлагала свое упованіе на возстановленіе. Двусмысленное языческое имя воспріемника отъ купели русскаго народа «Владимиръ», т. е. значитъ оно обладатель *міра* или водворитель *мира*, христіанство рѣшило въ пользу послѣдняго значенія, ибо и наименованіе «Василій» означало царя христіанскаго, царя мира. Къ концу іюля мѣсяца празднуемъ память двухъ братьевъ — жертвъ усобиць. Канонизація ихъ показала, что сущность христіанства есть *миръ*, объединеніе. Служба этой двоицѣ была первою, написанною въ Россіи, она есть, можно сказать, экстрактъ всего, что сказано о любви въ новомъ завѣтѣ. Пареміи въ этой службѣ извлечены не изъ суроваго вехтаго завѣта, а изъ лѣтописи. Очень жаль, что не былъ причисленъ къ лику святыхъ великій чтитель св. мучениковъ Бориса и Глѣба, всю жизнь свою положившій на водвореніе мира въ Русской землѣ, терзаемый усобицами и внѣшними набѣгами дикихъ хищниковъ. Въ царствованіе Императора, — перваго призвавшаго къ разоруженію, было бы весьма прилично канонизовать Владиміра Мономаха.

Сентябрь — борьба съ кочевымъ Востокомъ.

Октябрь — борьба съ торговымъ (городскимъ) Западомъ.

Сентябрь — мѣсяць, въ который совершается поминовленіе падшихъ на Куликовомъ полѣ, въ борьбѣ съ кочевниками, съ религіею войны — Исламомъ, мѣсяць, когда празднуется память Преподобнаго Сергія — читателя Св. Троицы, какъ образца единодушія и согласія, Троицы, столь ненавистной магометанству, сентябрь завершается взятіемъ Казани, т. е. завоеваніемъ казанскаго ханства, этого перваго ханства татарскаго, послѣднимъ же было взятіе Хивы и Коканда. Если сентябрь воспоминаетъ борьбу съ Востокомъ, то октябрь, когда празднуемъ 11-го октября выходъ двенадцати языковъ Запада изъ Москвы, а 22-го октября — освобожденіе Кремля отъ поляковъ, — октябрь представляетъ борьбу съ Западомъ.

Н. Θ. Θедоровъ (†)
